

УДК 341.641

В. Л. Толстых

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: vlt73@mail.ru

**ОБЗОР ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЮРИСДИКЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН НА ОСНОВАНИИ ОДНОСТОРОННИХ
ЗАЯВЛЕНИЙ О ПРИЗНАНИИ ДАННОЙ ЮРИСДИКЦИИ**

Автор квалифицирует односторонние заявления о признании юрисдикции Международного суда ООН и рассматривает судебные решения, сформировавшие понимание отдельных аспектов действия системы односторонних заявлений. В некоторых рассматриваемых решениях затрагиваются иные вопросы международного права. Статья имеет обзорный характер.

Ключевые слова: международное право, Международный суд ООН, юрисдикция, односторонние заявления о признании юрисдикции

1. Статья 36 Статута Суда содержит следующие положения об односторонних заявлениях: «2. Государства – участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся: а) толкования договора; б) любого вопроса международного права; в) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства; д) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства. 3. Вышеуказанные заявления могут быть безусловными, или на условиях взаимности со стороны тех или иных государств, или же на определенное время... 5. Заявления, сделанные на основании статьи 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, продолжающие оставаться в силе, считаются, в отношениях между участниками настоящего Статута, признанием ими юрисдикции Международного Суда для себя обязательной на неистекший срок дейст-

вия этих заявлений и в соответствии с условиями, в них изложенными».

Односторонние заявления устанавливают квазиобязательную юрисдикцию Суда (*compulsory jurisdiction*): «обязательную» в том смысле, что государство, сделавшее заявление, может быть привлечено к участию в процессе по любому спору, охватываемому заявлением; «квази» в том смысле, что данная юрисдикция устанавливается свободным волеизъявлением государства.

В Решении по делу о сухопутной и морской границе между Камеруном и Нигерией от 11 июня 1998 г. (предварительные возражения) Суд отметил: «Любое государство – участник Статута, признавая юрисдикцию Суда в соответствии с п. 2 ст. 36, признает эту юрисдикцию в своих отношениях с государствами, ранее присоединившимися к этой клаузуле. В то же время оно выдвигает постоянное предложение другим государствам – участникам Статута, которые еще не подали заявление о признании. В тот день, когда одно из этих государств принимает данное предложение, подавая в свою очередь заявление о признании, устанавливается консенсуальная связь и никаких других

условий больше не требуется выполнять» (§ 25).

В доктрине отношения между участниками системы односторонних заявлений рассматриваются как отношения особого рода, на которые распространяются некоторые положения права международных договоров. Г. Г. Шинкарецкая, в частности, отмечает: «Особенностью данного вида согласия является то, что компетенция Суда создается путем принятия односторонних актов: одно государство заявляет о своем согласии, и если имеет место заявление другого государства о том же самом, то можно констатировать, что Суд компетентен разбирать спор между ними, охватываемый этими заявлениями. Таким образом, государства все же оказываются связанными договорными отношениями, но это договор особого рода» [1. С. 103]. Х. Телвей пишет о «сложной сети двусторонних отношений» [2. Р. 572]. Ш. Ода указывает: «Я склонен думать, что, когда спорное дело (переданное посредством одностороннего заявления) имеет какой-либо позитивный смысл или значение, здесь фактически имело место соглашение или консенсус между затронутыми государствами относительно передачи спора в Международный суд ООН в каждом отдельном случае» [3. Р. 252].

Пункт 2 ст. 36 действует на условиях взаимности: его использование возможно, если заявления о признании юрисдикции сделали и истец, и ответчик. О взаимности также говорится в п. 3 ст. 36. П. Маланчук комментирует это положение следующим образом: «Положение п. 3, которое позволяет государствам принимать *optional clause* “на условиях взаимности со стороны тех или иных государств”, может показаться избыточным в свете терминов, используемых в п. 2. Однако, согласно *travaux préparatoires*, п. 3 использует слово “взаимность” в ином смысле; действие п. 3 состоит в том, что государство может добавить оговорку к своему принятию *optional clause*, устанавливающую, что его принятие не вступит в силу до тех пор, пока государства X и Y также не примут *optional clause*. До тех пор, пока государства X и Y не примут *optional clause*, государство, делающее такую оговорку, не может привлекаться к суду никаким государством. Фактически оговорки такого рода не были сделаны» [4. Р. 285].

2. В настоящее время около одной трети государств сделали односторонние заявления о признании юрисдикции Суда (70 на конец 2013 г.). Многие заявления сопровождаются оговорками, исключающими из сферы их действия некоторые категории споров: с определенными государствами; возникшие в определенный период времени; определенного характера (связанные с границами, вооруженными конфликтами и др.); в отношении которых государства договорились использовать другие методы урегулирования.

Например, заявление Великобритании (единственного государства из числа постоянных членов Совета Безопасности ООН, чье заявление действует в настоящее время) от 5 июля 2004 г. гласит: «1. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии признает в качестве обязательной *ipso facto* и без необходимости специальной конвенции, на условиях взаимности, юрисдикцию Международного суда ООН в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута Суда, вплоть до момента извещения об отзыве такого признания, в отношении всех споров, возникших после 1 января 1974 г., касающихся ситуаций или фактов, имевших место после этой даты, за исключением: i) любого спора, в отношении которого Соединенное Королевство и другая сторона или другие стороны договорились использовать другое средство мирного урегулирования; ii) любого спора с правительством любого другого государства, которое является или являлось членом Содружества; iii) любого спора, если любая другая сторона спора признала обязательную юрисдикцию Международного суда ООН только применительно к данному спору или для его рассмотрения, или если заявление о признании обязательной юрисдикции Суда от имени любой другой стороны спора было подано или ратифицировано менее чем за двенадцать месяцев до даты подачи в Суд заявления о передаче данного дела.

2. Правительство Соединенного Королевства оставляет за собой право в любое время посредством извещения, адресованного Генеральному Секретарю ООН, дополнить, изменить или отозвать любые упомянутые оговорки или любые оговорки, которые могут быть сформулированы впоследствии; данные дополнения, изменения или отзывы вступают в силу с момента извещения».

Некоторые государства (Либерия, Малави, Мексика, Судан, Филиппины) сопроводили свои заявления оговорками, исключаящими из юрисдикции Суда дела, которые, *по их мнению*, относятся к их внутренней компетенции («Connally reservation»). Данные оговорки вызвали справедливую критику; действительно, вопрос о подсудности должен решаться самим Судом (компетенция компетенции), а не государством, являющимся стороной в споре. Ряд государств исключили из юрисдикции Суда дела, которые относятся к их внутренней компетенции *в соответствии с международным правом*.

Недавнее заявление Германии от 30 апреля 2008 г. содержит оговорки, исключаящие из юрисдикции Суда споры, в отношении которых стороны согласились использовать другие методы урегулирования; споры, связанные с развертыванием вооруженных сил за границей или использованием территории Германии в военных целях; споры, для разрешения которых другая сторона специально признала обязательную юрисдикцию Суда или споры со стороной, сделавшей заявление о признании обязательной юрисдикции менее чем за 12 месяцев до обращения в Суд.

Независимо от содержания оговорок государства, сделавшие односторонние заявления о признании обязательной юрисдикции Суда, более благожелательно относятся к возможности судебного рассмотрения споров с их участием, чем государства, не сделавшие таких заявлений.

3. Суд обладает компетенцией, если спор охватывается и заявлением истца, и заявлением ответчика. Данный вывод был сделан в Решении по делу о некоторых норвежских займах от 6 июля 1957 г. Между 1885 и 1909 г. норвежское правительство и норвежские банки разместили несколько займов на французском и иных иностранных рынках. Франция полагала, что данные займы подчинены золотой оговорке. В августе 1914 г. конвертируемость норвежской валюты в золото была приостановлена, позднее она восстанавливалась и снова приостанавливалась несколько раз. Норвежский закон 1923 г. ввел правило, согласно которому дебитор мог просить отсрочки платежа на период приостановления конвертируемости. Франция оспорила данные меры; Норвегия посчитала, что все вопросы должны решаться норвежскими судами на основании норвеж-

ского права. Франция обратилась в Суд, основываясь на п. 2 ст. 36 Статута. Норвегия выдвинула четыре предварительных возражения. Согласно первому из них спор подчинен внутреннему праву и не подпадает под категории споров, перечисленные в п. 2 ст. 36. Здесь же Норвегия ссылаясь на французскую оговорку, исключаящую из сферы действия одностороннего заявления о признании юрисдикции Суда споры, относящиеся к внутренней компетенции, как она понимается самой Францией. Суд отметил, что он обладает юрисдикцией, только если сферы действия односторонних заявлений совпадают. В соответствии с условием взаимности Норвегия может сослаться на французскую оговорку, хотя в ее заявлении аналогичная оговорка отсутствует: «...Норвегия вправе на тех же условиях, что и Франция, исключить из обязательной юрисдикции споры, которые Норвегия рассматривает, как относящиеся по существу к своей внутренней компетенции» (р. 24). В итоге Суд установил отсутствие своей компетенции. Особенностью данного дела является ссылка ответчика на оговорку, содержащуюся в заявлении истца (обычно ответчик ссылается на собственные оговорки).

В Решении от 21 июня 2000 г. по делу о воздушном инциденте от 10 августа 1999 г. (предварительные возражения) Суд также пришел к выводу об отсутствии своей компетенции. В 1999 г. Пакистан обратился в Суд, утверждая, что 10 августа 1999 г. в результате попадания ракет, выпущенных индийскими самолетами, был уничтожен пакистанский самолет с 16 человеками на борту, находившийся в воздушном пространстве Пакистана. В обоснование компетенции Суда Пакистан сослался на ст. 17 Общего акта о мирном разрешении международных споров 1928 г., заявления о признании юрисдикции Суда и п. 1 ст. 36 Статута. Индия присоединилась к Общему акту в 1931 г. Сославшись на сообщение индийского правительства Генеральному секретарю ООН от 18 сентября 1974 г., в котором оно указывало, что с момента получения независимости в 1947 г. Индия не рассматривала себя связанной Актом, Суд сделал вывод, что Акт не может служить основой его компетенции. Рассмотрев заявления о признании юрисдикции, Суд установил, что заявление Индии содержит оговорку, исключаящую споры с правительством госу-

дарства, которое является или являлось членом Британского содружества. Поскольку Пакистан является членом Содружества, соответствующие заявления не могут служить основой компетенции Суда. Рассмотрев Соглашение сторон 1972 г., Суд установил, что оно не содержит обязательства передавать споры в Суд (п. 1 ст. 36).

4. Суд обладает компетенцией, если заявления истца и ответчика являются действительными на момент возбуждения дела. Данный вопрос был рассмотрен в Решении по делу Ноттебома от 18 ноября 1953 г. (предварительное возражение). Семнадцатого декабря 1951 г. Лихтенштейн обратился в Суд. Гватемала утверждала, что Суд не обладает компетенцией, поскольку ее заявление о признании юрисдикции было сделано в 1947 г. на пятилетний срок, который истек 26 января 1952 г. Суд указал: «Как только дело было правильно возбуждено в Суде, Суд должен осуществлять свои полномочия, закрепленные в Статуте. После этого истечение срока, установленного для одного из заявлений, на которых основывается иск, является событием, не связанным с осуществлением полномочий, предоставленных Суду Статутом, которые Суд должен осуществлять всякий раз, когда дело было возбуждено правильно и когда ему не было продемонстрировано, что на каком-либо другом основании он является некомпетентным или иск является неприемлемым» (р. 122).

5. В Решении по делу о военной деятельности в Никарагуа от 26 ноября 1984 г. (компетенция Суда и приемлемость заявления) Суд сделал важные замечания, касающиеся системы односторонних заявлений. В 1984 г. Никарагуа выдвинуло обвинение против США. В качестве основания юрисдикции указывались заявления о признании обязательной юрисдикции. Заявление США датировалось 1946 г. и сопровождалось оговорками. Заявление Никарагуа датировалось 1929 г. и носило безусловный характер. Оно было сделано одновременно с подписанием Никарагуа Протокола подписания Статута ППМП. В соответствии с Протоколом он подлежал ратификации, а документ о ратификации подлежал передаче Генеральному Секретарю Лиги Наций. В 1935 г. Никарагуа ратифицировало Протокол и Статут ППМП; в 1939 г. посредством телеграммы оно сообщило о ратификации Лиге Наций. Доку-

мент о ратификации, однако, не был получен, доказательства о его отправлении не были представлены. На этом основании США утверждали, что Никарагуа не было стороной Статута и не приняло обязательную юрисдикцию ППМП. В официальных документах Суда и Секретариата ООН (доклады, ежегодники) Никарагуа фигурировало как принявшее обязательную юрисдикцию; при этом, однако, указывалось, что документ о ратификации не был получен.

Суд отметил, что заявление Никарагуа продолжало оставаться действительным (valid) на момент вступления в силу нового Статута, хотя оно и не стало обязывающим (binding) в соответствии со Статутом ППМП (§ 25). Поскольку Никарагуа заявило о ратификации Протокола, но не сдало на хранение ратификационную грамоту, оно не может считаться стороной этого договора (§ 26). Заявление Никарагуа могло бы стать обязывающим в случае должной ратификации Протокола. Таким образом, данное заявление обладало определенным потенциальным эффектом, который существовал и тогда, когда Никарагуа стало стороной Статута Суда. Далее Суд истолковал п. 5 ст. 36 Статута и пришел к выводу, что он распространяется и на действительные, но не обязывающие заявления, подобные заявлению Никарагуа. Среди прочего, Суд отметил, что первостепенной задачей составителей Статута Суда было сохранение максимально возможной преемственности между Судом и Палатой, в том числе в той части, которая касается обязательной юрисдикции. В этой связи ратификация нового Статута должна влечь те же последствия, что и ратификация Протокола подписания старого Статута, т. е. в случае Никарагуа – переход от потенциального обязательства к эффективному обязательству. Распространение на Никарагуа обязательной юрисдикции подтверждается вышеуказанными документами Суда, представляющими собой серию официальных, публичных и многочисленных свидетельств, а также его собственным поведением и поведением других государств.

Суд также указал, что ситуация с заявлением Никарагуа является уникальной. Поскольку уполномоченные международные органы утверждали, что оно выполнило необходимые формальности, а само Никарагуа никогда не возражало против его отнесения к государствам, принявшим обязательную

юрисдикцию, его поведение представляет собой действительный способ выражения намерения признать обязательную юрисдикцию Суда согласно п. 2 ст. 36 Статута (§ 47).

В соответствии с заявлением США 1946 г. оно прекращало действовать по истечении шести месяцев с момента уведомления о соответствующем намерении. Шестого апреля 1984 г. (за три дня до обращения Никарагуа в Суд) США уведомили Генерального Секретаря ООН о неприменении данного заявления к спорам с государствами Центральной Америки, причем в извещении указывалось, что оно вступает в силу немедленно, независимо от условий заявления. По этому поводу Суд указал: «Заявления о принятии обязательной юрисдикции Суда являются факультативными обязательствами одностороннего характера, которые государства свободны принимать или не принимать. Кроме того, государство свободно сделать безусловное и неограниченное по времени заявление либо сопроводить заявление условиями или оговорками. Оно, в частности, может ограничить его эффект спорами, возникающими после конкретной даты; определить период, в течение которого заявление остается в силе; или предусмотреть, что для прекращения его действия должно быть сделано предварительное уведомление. Односторонний характер заявлений, однако, не предполагает, что государство – заявитель свободно по своему усмотрению изменять сферу действия и содержание своих торжественных обязательств... Действительно, заявления, несмотря на то, что они являются односторонними актами, устанавливая серию двусторонних связей с другими государствами, принимающими такое же обязательство в отношении обязательной юрисдикции, с учетом условий, оговорок и положений о сроках. В установлении этой сети обязательств, образующей систему факультативного условия, существенную роль играет принцип добросовестности...» (§ 59–60). Используя концепцию односторонних актов государств, Суд пришел к выводу, что США не могут быть освобождены от обязанности предварительного уведомления.

При этом не имеет значения то, что заявление Никарагуа не содержало аналогичного условия; принцип взаимности применяется к сфере действия и содержанию обязательств

(при этом учитываются оговорки, которыми они сопровождаются), а не к формальным условиям, относящимся к их созданию, длительности и денонсации. К тому же, для того, чтобы снять требование о предварительном уведомлении в соответствии с принципом взаимности, необходимо, чтобы заявление Никарагуа могло быть денонсировано без предварительного уведомления: «Однако право немедленного прекращения действия заявлений с неопределенным сроком не является установленным. Требование добросовестности, как представляется, обязывает применять к ним по аналогии порядок, предусмотренный правом договоров, которое предписывает разумный срок для отзыва или денонсации договоров, не содержащих никакого условия о сроке» (§ 63).

Заявление США содержало оговорку, в соответствии с которой из юрисдикции Суда исключались споры, вытекающие из многостороннего договора, если затронутые решением Суда участники договора не являлись сторонами дела или если США специально не признали юрисдикцию Суда. Суд отметил, что данная оговорка не может препятствовать Суду рассматривать требования, основанные на обычном праве. Кроме того, затронутые государства могут защитить свои интересы, обратившись с заявлением против Никарагуа либо вступив в данное дело; следовательно, они не являются беззащитными перед возможными последствиями решения Суда. Суд сможет определить затронутые государства, только когда общие черты решения станут ясными. Таким образом, если предположить, что Суд решит отклонить заявление Никарагуа, никакое третье государство не сможет считать себя затронутым решением. В любом случае вопрос о том, какое государство может затрагиваться решением Суда, относится к существу дела и не должен решаться на данной стадии.

США выдвинули пять возражений против приемлемости заявления Никарагуа. Согласно первому из них Никарагуа не привлекло к процессу государства, участие которых является необходимым для защиты их прав и урегулирования спора. Суд указал, что данные государства могут возбудить другое дело или вступить в данный процесс. Ни в Статуте, ни в практике международных судов нет никакого следа нормы, касающейся «необходимых сторон».

Согласно второму возражению рассмотрение требований Никарагуа относится к компетенции других органов, в частности Совета Безопасности. Суд рассмотрел данное возражение совместно с третьим возражением, согласно которому разбирательство в Суде повлияет на осуществление права на самооборону и, следовательно, посягнет на полномочия Совета Безопасности. Суд отметил: «...Тот факт, что вопрос был передан в Совет Безопасности, не должен препятствовать его рассмотрению Судом; обе процедуры могут осуществляться параллельно» (§ 93). И далее: «Совет выполняет функции политического характера, тогда как Суд выполняет чисто судебные функции. Следовательно, оба органа могут выполнять свои различные, но дополняющие друг друга функции в отношении одних и тех же событий» (§ 95).

В соответствии с четвертым возражением Суд не должен рассматривать текущий вооруженный конфликт из-за сложности сбора доказательств, необходимости политического урегулирования и пр. Суд указал, что требование не может считаться неприемлемым по причине вероятной нехватки доказательств; кроме того, на данной стадии нельзя отрицать возможность судебного содействия разрешению спора.

Согласно пятому возражению Никарагуа не исчерпало политические средства урегулирования. Суд указал, что текущие переговоры не могут препятствовать осуществлению функций Суда; исчерпание региональных переговорных механизмов не может считаться обязательным условием для обращения в Суд.

В итоге Суд счел себя компетентным рассматривать заявление Никарагуа.

Данное решение имело важные политические последствия. Седьмого октября 1985 г. США отозвали свое заявление о признании обязательной юрисдикции Суда. В Заявлении Государственного департамента США от 7 октября 1985 г. указывалось: «Когда 1 августа 1946 г. Президент Трумэн подписал заявление США, признающее факультативную обязательную юрисдикцию Международного Суда, эта страна ожидала, что другие государства скоро поступят так же. Важной основой системы ООН, часть которой составляет Международный Суд, является принцип универсальности. К сожалению, немногие другие государства последовали

нашему примеру... Наш опыт в отношении обязательной юрисдикции оказался глубоко разочаровывающим. Мы никогда не были в состоянии использовать наше принятие обязательной юрисдикции для того, чтобы привлечь к Суду другие государства, однако сами были привлечены три раза. В 1946 г. мы взяли на себя риски нашего подчинения обязательной юрисдикции Суда, поскольку верили, что уважение к Суду со стороны других государств и собственное понимание Судом необходимости скрупулезно придерживаться его надлежащей судебной роли предотвратят злоупотребления судебным процессом в политических целях. Эти предположения в настоящее время не оправдались. Как результат Президент пришел к выводу, что продолжение нашего принятия обязательной юрисдикции Суда противоречило бы нашей приверженности принципу равного применения права и поставило бы под угрозу наши жизненные национальные интересы» [5. Р. 450].

6. Пункт 5 ст. 36 Статута распространяется только на государства, участвовавшие в подписании Статута. Данный вывод был сделан в Решении от 26 мая 1959 г. по делу о воздушном инциденте 27 июля 1955 г. (предварительные возражения). Двадцать седьмого июля 1955 г. болгарские силы противовоздушной обороны уничтожили самолет компании «El Al Israel Airlines Ltd», и это послужило основанием для обращения Израиля в Суд. Суд счел, что заявление Болгарии о признании обязательной юрисдикции ППМП, сделанное в 1921 г., не может рассматриваться как признание обязательной юрисдикции Суда, и объявил себя некомпетентным рассматривать данный спор. Суд указал, что п. 5 ст. 36 Статута применим только к тем государствам, которые участвовали в подписании Статута, Болгария же стала стороной Статута только 14 декабря 1955 г. По мнению Суда, в отношении государств – подписантов п. 5 ст. 36 сохранил существующее обязательство, изменив его объект. В отношении других государств в отсутствие их согласия Статут не мог ни сохранить, ни трансформировать их изначальное обязательство; роспуск ППМП вскоре после вступления в силу Статута освободил их от этого обязательства. В момент принятия Статута учитывались грядущий роспуск ППМП и то, что вследствие этого утратят силу заявления о признании ее

обязательной юрисдикции. В этой связи было решено не дожидаться от государств – подписантов заявлений о признании юрисдикции Суда, а урегулировать переходную ситуацию с помощью переходного положения. Совершенно иной является ситуация, в которой государство становится стороной Статута Суда, когда ППМП и признание ее юрисдикции давно исчезли.

7. Односторонние заявления и оговорки к ним подчинены особым правилам толкования, несколько отличающимся от тех, которые содержатся в Венской конвенции о праве международных договоров. Данные вопросы были рассмотрены в Решении о компетенции в сфере рыболовства от 4 декабря 1998 г. (компетенция Суда). Испания обратилась с иском против Канады, касающимся изменений в канадском законодательстве о прибрежном рыболовстве и инцидента с испанским судном «Эстай» («Estai»). Юрисдикция Суда основывалась на односторонних заявлениях. Канада проводила свое заявление 1994 г. несколькими оговорками, в том числе оговоркой, исключаящей из юрисдикции Суда споры, вызванные мерами по охране и управлению, предпринятыми Канадой в отношении судов, рыбачащих в районе регулирования NAFO¹, определенном в Конвенции о будущем многостороннем сотрудничестве в области рыболовства в северо-западной части Атлантического океана 1978 г., и осуществлением данных мер. Данная оговорка была новой: она не содержалась в предшествующем заявлении Канады, сделанном в 1985 г.

В том же 1994 г. Канада ввела нормы, в соответствии с которыми она могла осуществлять в данном районе срочные меры, необходимые для предотвращения уничтожения рыбных запасов; иностранным рыболовным судам предписывалось соблюдение данных мер. Канадская служба по охране рыболовства получила широкие полномочия (подниматься на борт, инспектировать и досматривать суда, применять силу). Испанское рыболовное судно «Эстай» было задержано 9 марта 1995 г. канадскими кораблями на расстоянии 245 миль от канадского берега и доставлено в канад-

ский порт, его капитан был арестован по обвинению в незаконной ловле гренландского палтуса. Часть улова была конфискована, экипаж был освобожден немедленно, капитан – после внесения залога, судно – после предоставления гарантии. Испания направила Канаде вербальные ноты, в которых заявила о нарушении норм международного права, в частности, Конвенции 1982 г., устанавливающей 200-мильный предел юрисдикции прибрежного государства и исключительную юрисдикцию государства флага в открытом море. Канада ответила, что «Эстай» оказал сопротивление попыткам досмотра и что его арест был необходим для прекращения чрезмерного вылова гренландского палтуса испанскими рыбаками. Европейское сообщество (ЕС) и его члены также направили Канаде ноту протеста. В апреле 1995 г. ЕС и Канада заключили соглашение, действующее до 31 декабря 1995 г. и направленное на урегулирование проблемы (в частности, на суда членов ЕС в открытом море не должна была распространяться канадская юрисдикция, а ЕС должно было контролировать свои рыболовные суда в районе регулирования NAFO). В апреле преследование в отношении судна и его капитана было прекращено решением Генерала-атторнея Канады, гарантия была отменена, а залог был возвращен. Впоследствии возвращена конфискованная часть улова, а Испания и Португалия были исключены из сферы действия вышеуказанного канадского законодательства. Меры, закрепленные в соглашении между ЕС и Канадой, были воспроизведены NAFO.

В ходе процесса Испания утверждала, что, поскольку Канада признала юрисдикцию Суда на основе п. 2 ст. 36, именно она и должна доказывать, что ее оговорка исключает из юрисдикции Суда спор между сторонами. Суд отметил: «...Установление или неустановление юрисдикции – вопрос, который зависит не от сторон, а от самого Суда. Хотя сторона, желающая установить факт, должна нести бремя его доказывания... это не имеет значения для установления юрисдикции Суда, т. к. здесь имеет место “вопрос права, который должен быть разрешен в свете относимых фактов”... Отсюда следует, что, когда речь идет о юрисдикции, бремя доказывания не возлагается. Суд сам должен решить с учетом всех фактов и аргументов, выдвинутых сторонами,

¹ Northwest Atlantic Fisheries Organization; Организация по рыболовству в северо-западной части Атлантического океана.

являются ли доводы, свидетельствующие в пользу его юрисдикции, убедительными, и существует ли “намерение сторон предоставить ему юрисдикцию”» (§ 37–38).

Испания полагала, что несовместимое с международным правом толкование оговорки не может допускаться; на этом основании она предлагала толковать оговорку Канады с учетом того, что применение силы против иностранных судов в открытом море не допускается. Суд указал следующее по этому поводу: «...Толкование заявлений, сделанных в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута, и любых оговорок, которые они содержат, направлено на установление того, было ли дано обоюдное согласие с юрисдикцией Суда. Каждое государство, формулируя свое заявление, должно определить пределы своего принятия юрисдикции Суда... Условия или оговорки, таким образом, своими формулировками не отменяют более широкого принятия, которое уже было дано. Скорее они служат для определения параметров принятия государством обязательной юрисдикции Суда. Таким образом, нет никаких причин для их ограничительного толкования. Все элементы заявления, сделанного в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута, которые в совокупности содержат принятие государством-заявителем юрисдикции Суда, должны толковаться как одно целое, к которому должны применяться одни и те же правовые принципы толкования. Это верно даже тогда, когда, так же как в настоящем деле, условия согласия государства с юрисдикцией Суда и пределы этого согласия модифицируют предшествующее выражение согласия, данного в более широких пределах. Дополнительная оговорка, содержащаяся в новом заявлении о принятии юрисдикции Суда, заменяющем предшествующее заявление, не должна пониматься как отменяющая более общее принятие, сделанное в этом предшествующем заявлении; таким образом, нет причин для ограничительного толкования такой оговорки. Соответственно, существующее заявление само по себе представляет единое целое, которое подлежит толкованию в соответствии с одними и теми же правилами толкования, применимыми ко всем его положениям, включая те, которые содержат оговорки. Заявление о принятии обязательной юрисдикции Суда, независимо от того, установлены ли определенные пределы такого принятия, является

односторонним актом государственного суверенитета. Одновременно оно устанавливает консенсуальную связь и возможность для юрисдикционной связи с другими государствами, сделавшими заявления в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута... Режим, применимый к толкованию заявлений, сделанных в соответствии со ст. 36 Статута, не идентичен тому, который установлен для толкования договоров Венской конвенцией о праве международных договоров... Положения этой конвенции могут применяться только по аналогии в той мере, в какой они совместимы с природой *suī generis* одностороннего принятия юрисдикции Суда» (§ 44–46).

Далее Суд привел правила, относящиеся к толкованию односторонних заявлений и оговорок к ним, выделенные его практикой: «Каждое заявление “должно пониматься так, как оно сформулировано, с учетом фактически использованных слов”... Каждая оговорка должна применяться “так, как она сформулирована”... Заявления и оговорки должны рассматриваться как одно целое... “Суд не может основываться на исключительно грамматическом толковании текста. Он должен искать толкование, находящееся в гармонии с естественным и разумным способом прочтения текста”... Одновременно, поскольку заявление на основании п. 2 ст. 36 Статута является документом, составленным одной стороной, Суд считал возможным делать акцент на намерении депонирующего государства... Таким образом, Суд толкует условия заявления, включая оговорки, содержащиеся в нем, естественным и разумным образом, с должным учетом намерения, которое было у соответствующего государства, когда оно принимало обязательную юрисдикцию Суда. Намерение государства, делающего оговорку, может быть выведено не только из текста соответствующего условия, но также из контекста, в котором данное условие должно читаться, и из исследования доказательств, относящихся к обстоятельствам его разработки и преследуемым целям... Когда существующее заявление было заменено новым заявлением, содержащим оговорку... намерения правительства также могут быть установлены посредством сравнения условий двух документов» (§ 47–50).

Суд счел, что испанская позиция не совместима с правилами толкования оговорок: «...Государства могут формулировать ого-

ворки, исключают юрисдикцию Суда по различным причинам; иногда именно потому, что они чувствуют себя уязвимыми в части правомерности своей позиции или политики. Ни разу в практике Суда не высказывалось предположение, что толкование, согласно которому акты, исключенные из юрисдикции Суда, должны соответствовать международному праву, является правилом... Тот факт, что государство может испытывать сомнения относительно совместности некоторых своих актов с международным правом, не является исключением из принципа согласия с юрисдикцией Суда и из свободы формулирования оговорок. Существует фундаментальное различие между принятием государством юрисдикции Суда и совместностью отдельных актов с международным правом. Первое требует согласия. Второй вопрос может затрагиваться, только когда Суд рассматривает дело по существу, установив свою юрисдикцию и в полном объеме заслушав правовые доводы обеих сторон. Независимо от того, принимают государства юрисдикцию Суда или нет, они в любом случае остаются ответственными за вменяемые им акты, которые нарушают права других государств» (§ 54–56).

Суд установил тесную связь между вышеупомянутой оговоркой Канады и ее новым законодательством. Канада полагала, что ее оговорка исключает спор из юрисдикции Суда. Испания не соглашалась, приводя четыре довода: во-первых, предмет

спора не охватывается оговоркой; во-вторых, новое канадское законодательство не является «мерами по охране и управлению»; в-третьих, оговорка касается только судов-апатридов или судов под «удобными флагами»; в-четвертых, преследование и задержание «Эстай» не могут рассматриваться как «осуществление мер». Суд отклонил эти доводы и счел, что спор между сторонами подпадает под действие канадской оговорки. В итоге Суд признал себя некомпетентным.

Список литературы

1. *Шинкарецкая Г. Г.* Международная судебная процедура. М.: Наука, 1992. 225 с.
2. *Thirlway H.* The International Court of Justice // *International Law / Ed. by M. D. Evans.* Oxford Univ. Press, 2006.
3. *Oda Sh.* The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice: a Myth? A Statistical Analysis of Contentious Cases // *International and Comparative Law Quarterly.* 2000. Vol. 49. Is. 02.
4. *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. Routledge, 1997.
5. *Michla Pomerance.* The United States and the World Court as a «Supreme Court of the Nations»: Dreams, Illusions, and Disillusion. Martinus Nijhoff Publ., 1996.

Материал поступил в редколлегию 21.03.2014

V. L. Tolstykh

PRACTICE REVIEW OF ESTABLISHING JURISDICTION OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE ON THE BASIS OF UNILATERAL DECLARATIONS OF ACCEPTANCE OF JURISDICTION

The author qualifies unilateral declarations about the jurisdiction of the International Court of Justice and examines court decisions that have shaped the understanding of certain aspects of the system of unilateral declarations. Some considered decisions affect other issues of international law. The article has a survey character.

Keywords: international law, International Court of Justice, jurisdiction, unilateral declarations about the jurisdiction.